МОЯ МУЗЫКА — ЭТО ЧАСЫ ФРАНСУА-ПОЛЬ ЖУРН, F. P. JOURNE: INVENIT ET FECIT

__F.P. Journe
Chronographe
Monopoussoir
Rattrapante

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

только когда ты перестаешь производить часы, у них начинается собственная жизнь

Независимый часовщик и создатель марки F. P. Journe: Invenit et Fecit Франсуа-Поль Журн в этом году участвовал в SIHH дважды. В павильонах салона он выставил коллекцию женских часов Elegante by F. P. Journe, а на своей женевской мануфактуре показал новую мужскую спортивную модель Chronographe Monopoussoir Rattrapante.

— Вас можно поздравить со вступлением в клуб часовщиков-миллионеров?
— Часовщиков-миллионеров? Что вы имеете в виду?
— Я говорю о продаже на благотворительном аукционе Only Watch в Женеве, где ваши часы ушли более чем за миллион. Многие старинные марки не могут похвастаться таким результатом.
— Тогда подчеркните, что с этого миллиона мы не получаем ничего, потому что все вырученные средства идут на благотворительность, на ученых, изобретающих лекарство против миопатии Дюшенна. Мне кажется, на наши часы не пожалели таких денег, потому что я подошел к делу серьезно. Для Only Watch каждая марка должна создать единственную в своем роде вещь. Но большинство делает часы в другом материале или с новым циферблатом. Я же разработал специальную модель, которой никогда больше не будет в коллекциях F. P. Journe.
— Но она похожа на вашу новую модель Chronographe Monopoussoir Rattrapante.
— Это разные часы, хотя мне уже пришлось выслушать разные глупости насчет того, что, раз так удачно прошла продажа на Only Watch, Журн решил на базе рекордных часов сделать другие. Как будто бы можно было сделать новые часы за рождественские каникулы! Просто пока я работал над моделью для Only Watch, я параллельно рисовал эти часы. И они отличаются от тех, что были выставлены на аукцион. Сейчас выходит модель с механизмом из алюминиевого сплава в титановом корпусе, потом — в розовом золоте, затем — в платине. Почти 80 часов запаса хода и 60, если не больше, часов для хронографа. Специальный браслет, который очень легко приспособить к любому запястью. И самая большая дата, которую мне приходилось делать,— ее высота 5 мм.
— На вашей мануфактуре в витринах выставлены разные часы. Сразу видно, что вы выработали свой собственный стиль не только как часовщик, создатель механизмов, но и как дизайнер.
— Когда я был маленьким, я любил рисовать. Я любил старинное часовое дело, которое изучал не только при помощи механизмов, но и при помощи рисунков. Некоторые мастера «золотого века» часового искусства тоже были замечательными рисовальщиками, например Абрахам-Луи Бреге создал свой стиль, нельзя не узнать часов Бреге. Или Антид Жанвье, вы всегда определите его руку. У меня была возможность рисовать, а теперь — работать с прототипами, с моделями. Я всегда интересовался тем, как стекло ловит свет, как сделать часы, которые имеют большой диаметр, не громоздкими, или наоборот — как подать маленькие часы так, чтобы они выглядели на руке больше. Это оптические иллюзии, которые в часовом деле так же важны, как в живописи или графике. Дизайн в часах очень важен.
— Но когда говорят «дизайнерские часы», речь часто идет об уродах, химерах, чудовищах? Чем страннее часы, тем больше в них «дизайна».
— Я выступаю за классику. У классики свой дизайн, посложнее современного. Я делал очень разные часы. Но все они были классичны.
— Но все-таки это отчасти повторение того самого «золотого века», азбука часового искусства. Классический дизайн будет однажды исчерпан?
— Не думаю. Это как спрашивать, удастся ли вам сочинить новую музыку на основе все тех же семи нот. Моя музыка — это часы.
— В новом году вы распрощаетесь с вашим знаменитым репетиром Sonnerie Souveraine?
— Мы остановим производство Sonnerie Souveraine в конце 2018 года. После этого у меня будут часы с другим великим усложнением, ведь хотя у меня и есть своя мануфактура, а рук, чтобы делать два таких сложных механизма одновременно, недостаточно. Так что сейчас у тех, кто хочет заказать Sonnerie Souveraine, есть последняя возможность.
— Это подействовало на клиентов?
— Ко мне приходил один из моих клиентов, который все откладывал приобретение репетира. Думал несколько лет, а теперь понял, что это его последний шанс.
— Следите ли вы за судьбой своих часов? Могут ли к вам снова вернуться Sonnerie Souveraine?
— Иногда я покупаю часы на вторичном рынке для новых клиентов, которые боятся, что часы достанутся им в ненадлежащем состоянии. Купив, я их перебираю, проверяю, снабжаю паспортом и бумагами. Так что клиенты получают часы в идеальном состоянии, как новые. Но боюсь, что Sonnerie Souveraine будут слишком дороги даже для меня.
— Что вы ощущаете, когда вынуждены расстаться с моделями или прекращаете их производство?
— Удовольствие. Это как выпустить птицу. Только когда ты перестаешь производить часы, у них начинается своя жизнь. Потому что их судьба отсчитывается с момента, когда их больше не производят. Пока часы выпускают, они пленники, они не имеют настоящей стоимости.

Беседовал Алексей Тарханов